НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.31857/S023620070013083-8

©2020 Д.В. ПОПОВ

ОТ КОНСТРУИРОВАНИЯ К АПГРЕЙДУ ЖИЗНИ: РАСЦВЕТ ИЛИ КРИЗИС БИОПОЛИТИКИ?

Попов Дмитрий Владимирович — кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры философии и политологии.
Омская академия МВД России.
Российская Федерация, 644092 Омск, пр. Комарова, 7.
Электронная почта: DmitriVPopov@mail.ru

Аннотация. Человечество идет по пути от стихийного жизнепользования через осознанный выбор стратегии заботы о жизни к технологиям искусственного конструирования жизни. В статье рассматриваются биополитические стратегии XIX–XX веков, нацеленные на ускорение перехода от различных форм заботы о жизни к биоургии как радикальной трансформации жизни, понимаемой как апгрейд. Революционной формой облагораживания жизни в первой половине XX века стала евгеника. Евгеника как учение об искусственном отборе ради улучшения человеческих качеств оказала воздействие на мировую политику. За политическим противостоянием середины XX века обнаруживается конкуренция различных биополитических проектов. Поражение нацистского евгенического проекта и крах советского биополитического эксперимента вывели на авансцену истории рыночную биополитическую стратегию — основного бенефициара мировых и холодных войн. Однако провал евгеники не остановил эксперименты, направленные на трансформацию жизни. В ходе реализации возможных сценариев биоургической трансформации человек может приостановить человечность в себе и обрести как животность, так и насекомоподобие. Сохранение волевого стремления к преобразованию мира в ходе апгрейда жизни может привести как к появлению технологически

УДК 177

модифицированного постчеловека-творца, так и становлению постчеловека-разрушителя, использующего человечество в утилитарных и даже порочных целях. Актуальность темы обусловлена развитием современных биотехнологий, стоящих на пороге кардинального вмешательства в жизнь человека. Целью исследования является моделирование возможных сценариев биоургической революции.

Ключевые слова: человек, тело, разум, биополитика, биотехнология, биоургия, апгрейд, евгеника.

Ссылка для цитирования: Попов Д.В. От конструирования к апгрейду жизни: расцвет или кризис биополитики? // Человек. 2020. Т. 31, № 6. С. 68–86. DOI: 10.31857/S023620070013083-8.

Человеческая цивилизация проходит исторический путь от стихийных форм жизнепользования, сложившихся в глубокой древности, через рациональное конструирование жизненных практик, обусловленных стратегией заботы о жизни, к технологиям осознанного вмешательства в жизненные процессы с целью их оптимизации и усовершенствования.

Таким образом, человечество развивается в направлении от *биохрисии* (жизнепользование, от греч. βίος — жизнь и χρήση — использование) через *биоанисихию* (забота о жизни, от греч. ανησυχία — забота, уход) к *биоургии* (жизнетворение, от греч. ἔργον — действие, работа, творение) [10]. *Биохрисия* — режим существования естественного (природного) тела. Тело природное занято выживанием, оно полагается на силы, данные от рождения, при-*род*но, генетически. Для биохрисии характерен режим эксплуатации жизненных сил организма. Биохрисия господствует как в древнем, так и в традиционном обществе. Режим биохрисии безыскусен, предполагает минимум искусственных средств поддержания жизни тела. Этапу биохрисии соответствуют неразвитая наука, в частности медицина, несформированные общественные институты, обращенные к телесному здоровью человека. *Биоанисихия* — режим существования ухоженного тела. На этапе биоанисихии формируется разветвленная сеть социальных институтов заботы о теле и здоровье человека. Тело ухоженное предстает как тело социальное. Уход за таким телом — дело индивидуальное и одновременно коллективное. Как результат — формирование среды облагороженного тела, в которой важное место занимает культивирование избыточных витальных сил, превосходящих порог выживания. Режим биоанисихии соответствует становлению современного общества, в котором формируется культура ухода за телом и подготавливается переход

к обществу постсовременному как обществу телесного эксперимента. *Биоургия* — режим существования искусственного тела и модифицированной жизни. Воспользуемся для описания перехода от облагороженного тела к модифицированной жизни понятием *апгрейд* (от англ. upgrade — усовершенствование, улучшение), широко используемым в цифровой реальности. Апгрейд включает в себя обновление, модернизацию, усовершенствование чего-либо, замену старого на новое, переход на качественно новый уровень. Если под апгрейдом жизни понимать ее качественную трансформацию, то биоургия осуществляет апгрейд жизни на основе новейших технологий. В настоящий момент человечество еще только вступило в фазу модификации жизни и находится, как утверждает футуролог Р. Курцвейл [23], на пороге киборгизации с использованием технологических дополнений тела — аугментаций (от англ. augment — увеличение, приумножение, расширение), а в дальнейшем может прийти и к апгрейду жизни на еще неизвестных основаниях. Апгрейд жизни осуществляется во время повторного — искусственного — рождения, обусловленного технологией. Подобное *пост*-натальное рождение не исключено, невозможно, но усилия в этом направлении предпринимаются, а интенсивность исследований нарастает.

Биополитика, рождение которой соответствует этапу биоанисихии, применила режим заботы о жизни к населению, преследуя государственные внешне и внутриполитические цели. В дальнейшем биовласть, получив ощутимые выгоды и войдя во вкус, расширила объем биополитического вмешательства в жизнь населения и подступает к границам биоургии — конструированию самой жизни.

Евгеника как проект радикальной трансформации жизни

К революционной стратегии облагораживания тела, характерной для биоанисихии, следует отнести евгенику. Именно радикальность предлагаемых поборниками евгеники средств придала данной практике одиозность. А началось все с проблемы Nature versus (or) nurture — что определяет человека: среда или наследственность? Евгеника встала под знамена наследственности. Завороженный учением Ч. Дарвина, Ф. Гальтон радикализировал положение о естественном отборе, сделав ставку на селекцию. Природа неуклонна, но медлительна. Ее цели, если они есть, неочевидны. Направленная и целесообразная селекция — то, что можно применить к человеку, как люди применяют селекцию

в земледелии и животноводстве. Евгеника исходит из парадигмы восприятия власти в традиционном обществе как власти аристократии (от греч. ἀριστεύς — лучший), заключающей в себе древнегреческий идеал калокагатии (от др.-греч. καλὸς καὶ ἀγαθός — красивый и добрый). Рожденная на Британских островах, евгеника закономерно восприняла характерный для Британской империи дух аристократизма, в рамках которого понятие ««“наследие” было воспринято почти в неизменном виде и распространено на весь британский “люд”. Последствием этой ассимиляции дворянских норм было то, что английский вариант расового образа мысли отличался почти одержимостью в том, что касалось теорий наследственности и их современного эквивалента — евгеники» [2, с. 251].

Всякая идея — а революционная в особенности — стремится предложить обоснование своего символа веры. Евгеника углубилась в религию, метафизику, культуру, историю и даже экономику. Например, американец Л. Стоддард, проводя сравнительный анализ аристократического рода Адамса и рода бродяги Джуки, указывает на колоссальные экономические издержки содержания рода, на протяжении поколений поставляющего иждивенцев. Для рыночного общества, сызмальства ценящего труд и бережливость, подобные аргументы показались убедительными. Следует согласиться, что «евгеника с самого начала была замешена на зверстве» [2, с. 254]. И именно в США (Индиана, Северная Каролина) возникла практика стерилизации неимущих, слабоумных, людей с сексуальными перверсиями и алкоголиков ради сокращения трат общества на иждивенцев. Сходные программы в 30-е годы XX века применялись в Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии, Швейцарии и, в наибольшей степени, в Германии. «Помимо нацистской Германии, евгеническая практика по принудительной стерилизации умственно отсталых мужчин путем перерезания у них семенных канатиков процветала в 20–30-е годы XX века в США. К 1935 году в одном штате Индиана таких операций по судебным решениям было проделано более 20 тыс.» [9, с. 36].

Собранная в рамках евгенических исследований статистика имела тенденциозный характер и привела к лавинообразному интересу к рецептам спасения рода человеческого. Евгенический проект распался на конкурирующие течения. И если Стоддард в революционных течениях эпохи усматривал бунт недочеловеков (underman) против цивилизации, то в рамках революционных движений ситуация рассматривалась противоположным образом. Следует отметить, что евгеника олицетворяет собою фигуру перехода от сдержанного характера биоанисихии к активной и радикальной динамике биоургии. И если поначалу евгеника

осознавалась как явление долговременное и стихийное, то вскоре наступил пароксизм доселе невиданной экспериментальной деятельности. Так, Г. Гюнтер полагал, что евгеника носит характер селективного отбора в процессе воспитания и формирования ценностей: «С точки зрения евгеники желательно, чтобы молодые люди обоих полов еще в возрасте неопределенных мечтаний выработали идеал для брачного выбора… Взгляд должен быть обращен только на людей здоровых и как индивидуальности, и как носители наследственности. Такой идеал нужно своевременно пробудить у молодежи» [5, с. 266]. Евгеника в таком виде — синтез духовной и физической культуры в приложении к институту брака.

Л. Стоддард гораздо радикальнее. Он убежден, что евгеника — вершина биологии, прекрасный плод науки, откровение научного прогресса, способное изменить судьбу человечества. «Задача евгеники сделать такие правовые, социальные и экономические преобразования, чтобы 1) большая доля лучших лиц имела бы детей таких, как в настоящее время; 2) чтобы в среднем число потомков каждого лучшего человека было бы больше, чем в настоящее время; 3) чтобы худшие люди не имели бы детей; 4) чтобы некоторые худшие люди имели бы меньше детей, чем сейчас» [13, с. 215–216]. Евгеника в представлении Стоддарда сформирует неоаристократию — авангард крестового похода против вырождения и за возрождение человечества. Евгеника позволит выделять по генетическим задаткам потенциальных аристократов — капитанов промышленности, политических лидеров, гениальных ученых. Евгеника обещала «предсказать, кто окажется наиболее приспособленным, и выработать у нации средства обеспечения вечной приспособленности… Следовало только превратить процесс отбора из естественной необходимости, действующей помимо воли человека, в “искусственный”, сознательно применяемый биологический инструмент» [2, с. 254]. Следствием подобных увлечений стала радикализация биополитики, в рамках которой стали изобретаться практические инструменты воздействия на население средствами отрицательной и положительной евгеники.

Пронизанная ощущением наступления последних времен (закат Европы, бунт против цивилизации, восстание масс), интеллектуальная атмосфера нашла сочувствие у заинтересованной публики: «Евгеника идеально вписывалась в рамки этого нового мировоззрения. Если народы подобны организмам, то их проблемы в некотором смысле сродни болезням, вследствие чего политика, по сути, становится отраслью медицины, наукой о сохранении социального здоровья… Все болезни современного общества (перенаселенность городов, рост рождаемости среди беднейших слоев

населения, низкий уровень здравоохранения в обществе и даже падение уровня господствующей буржуазной культуры) теперь казались излечимыми за счет последовательного применения биологических принципов» [4, с. 257–258].

В течение довольно короткого времени с момента зарождения евгеники появились «способные» ученики. «Ведущие деятели прогрессивизма воспринимали евгенику как важный и зачастую необходимый инструмент в поисках Святого Грааля “социального контроля”. Научный обмен между евгенистами, “расологами”, адептами расовой гигиены и регулирования рождаемости в Германии и Соединенных Штатах был совершенно обычен. Гитлер “изучал” американскую евгенику, находясь в тюрьме… Немецкая расовая наука основывалась на достижениях американцев» [4, с. 259–260]. Гитлер изучал не только американцев. Так, одним из источников вдохновения для Гитлера явился британский дух построения империи, над которой не заходит солнце, замешанный на «аристократии крови». Именно поэтому «Гитлер, поклонник Англии, обязывал свои войска СС учиться именно у британских “властителей” тому, как должен себя вести представитель расы господ, чтобы ограниченными силами держать в страхе целый континент» [12, с. 43]. Крайности британской политики в колониях стали нормой нацистской экспансии в борьбе за Lebensraum im Osten. «Именно на Британию ориентировались нацисты, продумывая собственную модель для управления Россией» [12, с. 307]. Тщательно изучаемый опыт империалистической Британии послужил прообразом для организации социального пространства на восточном направлении.

Борьба евгенических проектов в XX века

Как евгеника повлияла на общественные отношения и что было дальше? «Так сложилась судьба евгеники, что при упоминании о ней, по образному выражению лауреата Нобелевской премии по физиологии и медицине П. Медавара, всегда будет стоять “нестерпимый запах газовой камеры”. Ведь именно извращенное понимание евгеники… в конечном счете проложило путь к Холокосту» [9, с. 35–36].

Первую половину XX века можно рассмотреть под углом зрения борьбы евгенических проектов. В качестве противоборствующих сторон можно рассматривать аристократический евгенический проект, пролетарский (советский), нацистский и рыночный евгенический проекты. Аристократический проект исходил из многовековой практики аристократического правления и делал

ставку на традиционные привилегии и способы формирования аристократии. «Голубая кровь» — краеугольный камень этой доктрины. Поскольку аристократическая евгеника предусматривает отбор претендентов на власть по признаку происхождения, постольку данный проект можно рассматривать как проявление стихийной евгеники. Антипод аристократа-патриция в рамках этого проекта — простолюдин-плебей. Монархическая государственность начала XX века поддерживала данный традиционный уклад.

Однако события Первой мировой войны неожиданно вывели на авансцену истории иные идейные течения, в которых отчетливо прослеживается евгенический бэкграунд. Пролетарский евгенический проект сделал ставку на пролетария — того, чей вклад в общественную жизнь в Древнем Риме ограничивался исключительно детьми. «Пролетарий — не имя социологически идентифицируемой общественной группы. Это имя того, кто не учтен, outcast'a. По-латыни proletarii означает попросту: те, кто воспроизводят себя; те, кто просто живут и воспроизводят себя, не обладая именем и не передавая его; не учитываясь в качестве стороны в субъективном формировании города» [11, с. 103]. Однако угнетенный класс в марксизме рассматривался как tabula rasa — «раса» нереализованного потенциала, а потому не закоснелая, гибкая — люди, которым можно придать форму, невиданную ранее. В пролетариях советская власть видела огромный потенциал, требующий реализации. Само по себе предоставление пролетариату власти на всех уровнях, как ожидалось, способно произвести грандиозные изменения. Приобщенный к образованию и науке, культуре и искусству пролетарий, не имея пороков аристократа и буржуа, способен на невиданные свершения. В определенном смысле именно метафорой отсутствия потенциала «стать всем» у тех, «кто был ничем», является евгенический по своему характеру опыт профессора Преображенского, явивший миру Шарикова, описанный в «Собачьем сердце». Этот опыт обнажает конфликт аристократического и пролетарского евгенических проектов. Пролетарская евгеника видела врага в аристократе и капиталисте, она — философствующий молотом ниспровергатель традиций. Движение, активность — подлинная стихия пролетарского евгенического проекта, точно так же, как и нацистского, сделавшего ставку на сверхчеловека, раса которого будет создана на основании «перманентной селекции» — «селекции, которая никогда не должна останавливаться» [2, с. 511] — генетически неповрежденного материала «истинных арийцев», последних из могикан настоящих людей среди унтерменшей, подлинного врага нацистской евгеники. Нацистский проект пытался создать неоаристократию на основании национализма, радикальной ксенофобии и

шовинизма. В отличие от аристократической евгеники, придававшей существенное значение происхождению, а значит, наследственности, нацистский проект наследственность фетишизировал и абсолютизировал, сделав ее ядром идеологии. Нацистский проект радикализировал средства отрицательной евгеники и экспериментальным путем вырабатывал технологии евгеники положительной, заручившись средствами науки своего времени.

Наконец, рыночный евгенический проект сделал ставку на булочника А. Смита, который, достойно справляясь с конкуренцией, служит себе и обществу. Рыночное общество, в котором «каждый должен быть для самого себя и для своей семьи, так сказать, предприятием» [16, с. 262], оформляется по модели конкурентоспособного предприятия, осуществляя отбор успешного «человека-предприятия», предоставляя ему преимущества. Антипод булочника Смита — именно римский пролетарий: иждивенец, тунеядец, лентяй и лодырь, looser. Буржуазное общество уделяло внимание наследственности. Буржуазные семейные ценности, трудовая этика, в которой прослеживается протестантский бэкграунд успеха как манифестации богоизбранности человека, — все это предполагает набор человеческих качеств, которым в рыночном евгеническом проекте отдается предпочтение. Наличие подобных качеств определяет выбор супруга, карьерный рост. Принадлежность к трудолюбивому, бережливому, предприимчивому семейству рассматривается аналогично знатности происхождения. Те же качества — трудолюбие, бережливость и предприимчивость — преимущественные у буржуа, отмечали столь разные авторы, как М. Вебер и В. Зомбарт. Рыночный евгенический проект сделал ставку на nurture — формирование общественной среды по законам рынка, что противопоставляет данный проект конкурентам. Среда принималась в расчет и остальными проектами, но в разной мере. Пожалуй, среде большое внимание уделял пролетарский евгенический проект, однако практика молодого советского государства показала, что вопрос происхождения был одним из важнейших для СССР. Физическое истребление лиц непролетарского происхождения — отрицательная евгеника по-советски — исторический факт.

Мир сотрясся от титанической борьбы контрпроектов. Первая мировая война продемонстрировала уязвимость аристократического евгенического проекта. Пали монархические режимы в Российской, Австро-Венгерской, Германской и Османской империях. Межвоенное перемирие продемонстрировало взлет новых идейных течений — мир захватила мода на социальный эксперимент, корпоративизм, коллективизм и радикальные формы мировоззрения. Параноидальная перманентная селекция, замешанная

на конфронтации, крайней подозрительности и безудержном милитаризме, привела к краху нацистский евгенический проект. СССР, союзники нашли силы одолеть страны «Оси». Ужасы концентрационных лагерей, явленные миру, положили конец радикальным евгеническим экспериментам. Советский Союз вяло, не всерьез продолжавший «перманентную революцию», поддерживая национально-освободительные движения и поощряя коммунистические подполья по всей планете, надорвался в этой гонке и распался. Разошедшаяся по всему миру правда о ГУЛАГе сказалась на репутации СССР и способствовала сворачиванию радикальных устремлений в преобразовании человека. Homo soveticus утратил черты нового человека будущего, представ в форме заурядного «совка».

Рождение биоургии

Главным бенефициаром оказался умеренный рыночный евгенический проект. «Конец истории», ознаменованный триумфом рынка и либеральной демократии, венчает окончание холодной войны. Но представляется, что история далеко не закончена. Технологический прогресс породил призрака, который бродит по миру. И это отнюдь не коммунизм. Эпоха селекции, приведшая к торжеству идеи отбора на основании личных достижений в условиях среды, предоставляющей широкие возможности для самореализации, плавно переходит в эпоху апгрейда. Адепты технологической сингулярности верят — грядет эра *сингулярного* евгенического проекта. Он радикальнее всех предыдущих. Его основание — не селекция и наследственность, а тотальное вмешательство в геном, тело и жизнь человека. Трансформация техносферы ведет к появлению многочисленных аугментаций — устройств, дополняющих и преобразующих телесность человека. Р. Курцвейл [23] рассуждает о том, что, начиная с определенного момента, человек будет способен придавать такой вид своему телу, который он сочтет нужным. При этом прогресс НБИК-технологий способен породить и мир людей-трансформеров в духе мрачного трансгуманизма П. Бачигалупи, и виртуальный псевдо-Эдем под патронажем дружественного искусственного суперинтеллекта, и мир без людей, подчиненный целям недружественного искусственного суперинтеллекта — «последнего изобретения человечества», исключившего существование человека как такового [3, 2].

Биоургия — гипотетический переход к неизвестному. Биоургия следует за осенью биоанисихии, представленной современным хронотопом. Биоургия отменяет биополитику в известном нам

смысле: апгрейд жизни, возможно, означает окончание привычных нам форм жизнепроживания. Биополитика трансформируется в некую форму технобиополитики, коррелятивную новому состоянию жизни. Мы уже живем в эпоху кризиса биополитики, поскольку все привычные биополитические ценности ныне подвержены инфляции. Рост населения, потребления и продолжительности жизни рассматриваются амбивалентно. Сам вектор к аугментациям телесности и апгрейду жизни сформирован настойчивым желанием разрубить гордиев узел проблем жизни как таковой, и технократической цивилизации в частности с использованием достижений научного прогресса.

Homo Animalis

Апгрейд жизни ведет в «постисторию» — время, непрозрачное для взгляда из настоящего и именно поэтому обозначенное столь бессодержательным термином: пост — значит после. Однако постистория имеет и еще один важный смысл: конец истории как череды потрясений, радикальных изменений, бурных страстей по поводу жизнеустройства человека. И в этом смысле постистория ставит вопрос об отношении «человечности» и «животности». А. Кожев по этому поводу писал: «Исчезновение Человека в конце Истории не будет космической катастрофой: природный Мир останется таким, каким был от века. И это тем более не биологическая катастрофа: Человек продолжает жить, но как животное — в согласии с Природой, или наличным Бытием. Кто исчезает, так это собственно Человек» [1, с. 13]. Исчезновение Человека не есть гибель человечества, но может означать радикальную трансформацию людей. Можно выделить образы осмысления такой метаморфозы: Homo Animalis и Homo Formica. Праздное бездеятельное состояние, подобное оцепенению животного, не испытывающего давления «носителей значения» [1, с. 53], для человека, для которого сама «человечность достигается только через приостановку животности» [1, с. 90], является приостановкой человечности. Это состояние «не производящей негативности» [1, с. 14], под знаменами которой конец истории превращается в инсценировку мифа, замешанного на эротизме, игре и радости перед лицом смерти. Эта батаевская «идиллия» окончания истории усилий, достижений и катастроф ведет к сценам «Солнцестояния» (Midsommar, А. Астер) и «Плетеного человека» (The Wicker Man, Р. Харди). И эта картина человеческой животности не выглядит празднично. Скорее мы являемся свидетелями фарса — кошмарной идиллии, адского рая.

А. Кожев, как и позднее Ж. Бодрийяр, полагал, что воплощением конца истории являются Америка и тот образ жизни, который считается «американским». «Замечание Кожева, что послевоенная Америка фактически достигла марксова “бесклассового общества”, можно понимать так: социальное неравенство элиминировано не полностью, но те барьеры, которые остались, в некотором смысле “необходимы и неискоренимы” из-за природы вещей» [17, с. 437]. Американский образ жизни — максимально возможное «царство свободы» в форме потребительского рая. Однако Ф. Фукуяма, зачастую воспринимаемый как «пророк» конца истории, справедливо вопрошает: «Жизнь последнего человека — это жизнь физической безопасности и материального изобилия… И это действительно “суть и цель” многотысячелетней истории человека на земле? Не следует ли нам бояться, что мы будем и счастливы, и удовлетворены нашим положением и не будем больше людьми, но животными вида Homo sapiens?» [17, с. 468]. В гротескной форме воплощение мечты о потребительском рае мы можем наблюдать в телесериале «Последний человек на Земле» (The Last Man on Earth, 2015–2018), в котором Фил Миллер — последний человек на Земле — становится обладателем всех земных благ, но ищет выживших людей, стремясь из своей постистории изобилия вернуться в историю, полную склок, дрязг и испорченных нервов, гарантированных межчеловеческими отношениями. «Животность» тоскует о «человечности».

Homo Formica

Животное состояние человека в обществе потребления, прекрасно описанное О. Хаксли в Brave New World или С. Лемом в «Футурологическом конгрессе», имеет и другую грань: человек может неподлинно воспроизвести не только животное состояние, но и жизнь насекомого — муравья. Люди могут стать мирмидонянами наоборот. Все тот же Кожев писал о «японизации» постисторического человека. «Японская “постисторическая” цивилизация» создала «там такие формы отрицания “природных, или “животных”, данностей, которые по эффективности далеко превосходят те, которые были порождены — в Японии или где-либо еще — “историческим” Действованием… все без исключения японцы в настоящее время живут в системе совершенно формализованных, т.е. полностью лишенных какого-либо “человеческого”, в смысле “исторического”, содержания ценностей» [1, с. 18–19]. Кожев даже предполагал, что более вероятной перспективой является не вестернизация Японии, а японизация Запада [17, с. 480].

Японизация — это американизация в потреблении с сохранением строго регламентированных форм отношений между людьми, напоминающих неизменные протокольные формы взаимодействия муравьев. Однако формализация отношений, ритуально-циклический режим жизнепроживания расчеловечивают людей. В подобном расчеловеченном состоянии человек одновременно приближается к социальному насекомому — муравью и роботу как воплощению запрограммированности в сложносоставной и целесообразной деятельности. Происходит одновременно «роботизация» и «муравьезация» человека. Из Homo Animalis человек превращается в Homo Formica. «Миллионы лет мы были усовершенствованными шимпанзе. А можем стать сильно увеличенными муравьями» [18, с. 425].

Роботоподобие и одновременно сходство с муравьями усматривал в человеке будущего А. Зиновьев. Стандартизация половых, возрастных, профессиональных, служебных и прочих признаков делает всех одинаковыми, словно муравьи или роботы одной серии. Однотипное образование, внешний вид и бытовое поведение деиндивидуализирует «западоидов», из-за чего в употребление вошел термин «человьи». Наступившая постчеловеческая эпоха достигает потолка своей эволюции и зацикливается в воспроизводстве одной и той же социальной организации человейника. Люди «превратились в сверхлюдей, то есть в социальных роботов. А роботы сами по себе не подлежат никакой эволюции». Для человьев наиболее «адекватной является формула “Сверхчеловек сверхчеловеку — робот ”» [6, с. 405–406]. Homo Animalis и Homo Formica объединяет приостановка человеческого в человеке. В подобной ситуации мы сталкиваемся с «людским зверинцем» (Д. Моррис). М. Тегмарк моделирует подобное состояние как результат деятельности искусственного суперинтеллекта в роли «благодетельного диктатора», у которого «довольно сложное и изощренное представление о человеческом счастье, следуя которому он превратил Землю в бескрайний зоопарк», где «большинство людей чувствовали, что живут очень насыщенной и полной смысла жизнью» [14, с. 78], превратившись, по сути, в человьев.

Между Homo Deus и Homo Daemon

Однако апгрейд жизни может иметь и другие сценарии. Для этого необходимо, чтобы человек не утратил способности к поступку, опирающемуся на совесть и чувство — чувство справедливости, гнев, стыд, вину, достоинство. Оскудение чувств, банализация стремлений, цинизм — путь к тотальной машинной

рационализации и инволюции из человека в человья. Фукуяма основой историчности человека считает «склонность ощущать самооценку», которая «исходит из той части души, которая называется “тимос”. Эта склонность похожа на врожденное человеческое чувство справедливости. Люди считают, что они имеют определенную ценность, и когда с ними обращаются так, будто эта ценность меньше, чем они думают, они испытывают эмоцию, называемую гнев. Наоборот, когда человек не оправдывает представления о своей ценности, он испытывает стыд, а когда человека ценят согласно его самооценке, он испытывает гордость» [17, с. 16].

Тимос выражается различным образом. Его утрата ведет в постисторию Homo Animalis. Его наличие ведет к Homo Deus и Homo Daemon. Мир без тимоса может быть блаженной животной пасторалью, а может оказаться глобальным насекомым человейником. Миры тимоса — Homo Deus и Homo Daemon — полюса созидания и разрушения.

Тимос принимает формы достоинства, чести, гордости, но и гордыни. «Желание быть признанным высшим мы с этого момента будем называть… “мегалотимией”. Мегалотимия может проявляться и у тирана, порабощающего окружающих, чтобы они признали его власть, и у концертирующего пианиста, который хочет, чтобы его считали самым лучшим интерпретатором Бетховена» [17, с. 282–283]. Биоургия, основанная на созидательном порыве, — теогония Homo Deus — человека-творца. Возможно, на путях апгрейда жизни естественный человек, и поныне таковым являющийся, станет искусственным, сохранив жизнь, но приобретя преимущества машины — вечность, ремонтопригодность, модифицируемость, дополняемость. Такой постчеловек создаст новую среду своего существования и займет в ней определенное положение в ряду собственных творений. Предложенная М. Эпштейном «гуманология рассматривает человека в ряду не только внеразумных форм жизни, но и внебиологических форм разума, — как элемент некоей более общей парадигмы, как “одного из”: в ряду животных, гуманоидов, киборгов (киберорганизмов), роботов... как часть техносферы, которая создается людьми, но постепенно подчиняет и растворяет их в себе. Человек предстает как создатель не только культурной среды, но и самодействующих форм разума, в ряд которых он сам становится — создатель среди своих созданий» [20, с. 606, 610]. В такой перспективе биоургия ведет от единого мира, населенного многими, к множеству миров, имеющих не более чем общую платформу. Непрерывный апгрейд жизни создает мультиверс уникальных жизненных проектов — монадологию параллельных универсумов.

О пути к радикальному преобразованию жизни пишут фантасты, размышляют философы. Процесс трансгрессии по пути от биохрисии к биоургии — путь преображения человека в религии. Биоургию как проект усовершенствования мира и человека рассматривали в русском космизме (Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский). Современный трансгуманизм склонен к оптимистической оценке перспектив апгрейда жизни человека. Однако, в отличие от Р. Курцвейла [23], ряд исследователей, например Ю.Н. Харари [18], склонны проблематизировать становление Homo Deus, указывая на неопределенность последствий использования новейших технологий. Человек, оснащенный мощью совершенных технологий, — все еще человек, а как известно, errare humanum est.

Биоургия не гарантирует успеха. Диапазон сценариев простирается от восторженного ожидания эры невиданных возможностей до тревожных пророчеств о закате человечества. Мегалотимия может привести к миру Homo Daemon — человека-разрушителя. Мрачный образ трансгуманизма описан в трилогии «Видоизмененный углерод» одного из наиболее известных писателей-фантастов в жанре киберпанк Р. Моргана [8]. Особенностью вселенной Моргана является состоявшаяся биотехнологическая революция, которая привела к возможности неограниченного продления жизни, к физическому бессмертию. «Настоящая смерть», однако, продолжает существовать. Она возникает тогда, когда уничтожается «стек» — вживляемый после рождения человека хранитель загрузки сознания, который можно перемещать из тела в тело, в том числе синтетическое. Мир «Видоизмененного углерода» сохранил дефекты социальных систем современности. В нем социальная дифференциация доведена до невиданного предела — власть, богатство, технология и престиж сосредоточены в руках избранной касты — «мафов» (от Мафусаила – одного из праотцов человечества, прожившего необычайно долгую жизнь), которые фактически правят миром. Мафы не только защищают свои стеки, но и дублируют содержание стека в резервную копию, имеют целый «гардероб» синтетических тел-оболочек, имеют привилегированный доступ к биотехнологиям. Долгая жизнь превращает мафов в сверхлюдей особого свойства. Они находятся «по ту сторону добра и зла», превращаясь в Homo Daemon — циников, ценителей и практиков порока. Мафы, долгожители и гедонисты, с неизбежностью движутся по пути маркиза де Сада, в творчестве которого «прослеживается триумф порока и поражение добродетели» [7, с. 45]. Баснословное богатство, возможность конструирования и бесконечной модификации собственной телесности, доступность удовольствий,

положение по ту сторону закона и морали — все это формирует у мафов крайние формы извращенности, при которых происходит «последовательное уничтожение всех табу, упорядоченный слом всех границ, вплоть до совершения преступления, если того требует удовольствие» [7, с. 46]. Именно порок объединяет мафов, в роскошных укромных уголках высокотехнологичных притонов удовлетворяющих свои «прокачанные» страсти. Мафы — метафорически и буквально небожители. Их элитные замки располагаются высоко над землей и, надежно укрытые высокотехнологичными кольцами охранных систем от постороннего наблюдения, напоминают образы тайных будуаров из романов де Сада.

Власть и наркотическое пристрастие к удовольствию закручивают порочную диалектику власти и порока, порождая «неограниченное право всесильной чудовищности» [15, с. 169–170]. Непрерывный апгрейд телесности приводит к парадоксальному следствию: человек более не связан границами тела. Тело — эфемерная оболочка, легко заменимая, а значит, малоценная. «Тело другого становится моделью, на которой проходит испытание моя свобода (при этом то, что думает об этом другой, меня мало волнует). Такая свобода все время порождает насилие, которое подается под знаком свободы» [21, с. 204]. Мораль мафов — вывернутая наизнанку кантианская мораль. Человек — не цель в себе, а именно и только средство. Эта антимораль находит выражение в своеобразном категорическом императиве: «Примем за универсальную максиму нашего поведения право пользоваться другим, кто бы это ни был, как инструментом собственного удовольствия» [21, с. 204]. Маф — Homo Daemon биоургического рая совершенных биотехнологий — творит мир, который олицетворяет гора стеков на барахолках земных колоний, подобная горе черепов на картине В.В. Верещагина «Апофеоз войны» — зримый образ смерти биополитики в мире биоургии Homo Daemon. Мегалотимия мафов вырождается в безудержное желание, презирающее границы человечности. Это не «животность». Следуя И.Г. Гердеру, писавшему о принципиальной неравности человека животному, состояние мафа — не недостижимая для животного высота, а, напротив, бездонная пропасть, в которую животное не опустится. Если мир Homo Deus в процессе апгрейда жизни сохраняет надежду на подлинную человечность, то мир Homo Daemon — мир бесконечного падения человека — inferno в форме совершенной технократии.

* * *

В ходе научно-технического развития человеческая цивилизация вошла в осень биоанисихии и подступила к границам биоургии. Евгеника XX века — технологически несовершенная, но

биоургическая по характеру программа радикального апгрейда жизни человека. Современные ожидания от новейших биотехнологий еще более радикальны. Апгрейд жизни может быть реализован в рамках различных сценариев. Во-первых, человек как Homo Animalis или Homo Formica способен вновь обрести «рай» внеисторического жизнепользования охотников и собирателей в состоянии «животности» или социального насекомого-человья в условиях развитой технократии. Во-вторых, человек как Homo Deus — проект радикального апгрейда, формирующий мультиверс монад — творцов и пользователей уникальных миров. В-третьих, человек как Homo Daemon способен создать «мир все равно что ад, и люди, с одной стороны, — истязаемые души, с другой же — дьяволы в нем» [19, с. 233].

Литература

1. *Агамбен Дж.* Открытое / пер. с итал. и нем. Б.М. Скуратова. М.: РГГУ, 2012.

2. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. Ковалева, Ю.Б. Мишкенене, Л.А. Седова; послесл. Ю.Н. Давыдова; под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996.

3. *Бостром Н.* Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.

4. *Голдберг Дж.* Либеральный фашизм. М.: Рид Групп, 2012.

5. *Гюнтер Г.Ф.К.* Родоведение. Наука о семье / пер. с нем. А.М. Иванова; под ред. В.Б. Авдеева. М.: Белые альвы, 2011.

6. *Зиновьев А.А.* Глобальный человейник. М.: Эксмо, 2003.

7. *История частной жизни* / под общ. ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби: в 5 т. Т. 4: От Великой французской революции до I Мировой войны / пер. с фр. О. Панайотти. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

8. *Морган Р.* Видоизмененный углерод. М.: АСТ: Люкс, 2005.

9. *Овчинский В.С.* Криминология и биотехнологии. М.: Норма, 2005.

10. *Попов Д.В.* Рождение биополитики: от муштры тела к заботе о жизни // Евразийский юридический журнал. 2020. № 3. С. 423–429.

11. *Рансьер Ж.* На краю политического / пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2006.

12. *Саркисянц М.* Английские корни немецкого фашизма: от британской к австро-баварской «расе господ» / пер. с нем. М. Некрасова. СПб.: Академический проект, 2003.

13. *Стоддард Л.* Бунт против цивилизации / пер. с англ. Д.Г. Ткаченко; под ред. В.Б. Авдеева. М.: Белые альвы, 2016.

14. *Тегмарк М.* Жизнь 3.0. Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта. М.: АСТ: CORPUS; 2019.

15. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.

16. *Фуко М.* Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с фр. А.В. Дьякова. СПб.: Наука, 2010.

17. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек / пер с англ. М.Б. Левина. М: АСТ: АСТ МОСКВА: Полиграфиздат, 2010.

18. *Харари Ю.Н.* Homo Deus. Краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2018.

19. *Шопенгауэр А.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 5: Parerga и Paralipomena: в 2 т. Т. 2. / пер. с нем., общ. ред. и сост. А. Чанышева. М.: ТЕРРА–Книжный клуб: Республика, 2001.

20. *Эпштейн М.* Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

21. *Яркеев А.В.* Онтологические основания зла в современном обществе: философско-герменевтический аспект. Екатеринбург, Ижевск: ИФиП УрО РАН, 2018.

22. *Barrat J.* Our final invention: Artificial intelligence and the end of the human era. First edition. New York: St. Martin's Press, 2013.

23. *Kurzweil R.* The Singularity Is Near. When Humans Transcend Biology. New York, 2005.

From Construction to Life Upgrade: The Rise or Crisis of Biopolitics?

Dmitry V. Popov
DSc in Philosophy, Associate Professor, the Head of Department of Philosophy and Political Science.
Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.
7 Komarova Str., Omsk 644092, Russian Federation.
E-mail: DmitriVPopov@mail.ru

Abstract. The article deals with biopolitics construction of life. Humanity is moving from the spontaneous use of life through a conscious choice of strategies for caring for life to technologies for the artificial construction of life. Different biopolitical strategies of the XIX—XX centuries aimed at accelerating the transition from cary for life to biourgy as a radical transformation of life, understood as an upgrade. Eugenics became a revolutionary form of ennobling life in the first half of the XX century. Eugenics as the doctrine of artificial selection for the sake of improving human qualities has had an impact on world politics. Behind the political opposition of the mid-twentieth century, competition between various biopolitical projects is revealed. The defeat of the nazi eugenics project and the collapse of the soviet biopolitical experiment brought the liberal biopolitical strategy to the forefront of history. However, the failure of eugenics did not stop experiments aimed at transforming life. During the implementation of possible scenarios of the biological transformation of man the humankind can suspend the humanity in ourselves and become like animals or insects like ants. The upgrade of life can lead to both the appearance of technologically modified Posthuman Creator, and the formation of Posthuman Destroyer. The relevance of the topic is due to the development of modern biotechnologies, which are on the threshold of a cardinal intervention in human life. The aim of the study is the simulation of possible scenarios biotechnological revolution.

Keywords: human, corpus, ratio, technology, biopolitics, biotechnology, eugenics, upgrade.

For citation: Popov D.V. From Cconstruction to Life upgrade: The Rise or Crisis of Biopolitics? // Chelovek. 2020. Vol. 31, N 6. P. 68–86. DOI: 10.31857/S023620070013083-8.

References

1. Agamben G. *Otkrytoe* [Open], transl. from Italian and German B.M. Skuratova. Moscow: RGGU Publ., 2012.

2. Arendt H. *Istoki totalitarizma* [The origins of totalitarianism], transl. from Engl. by I.V. Borisovoj, Yu.A. Kimeleva, A.D. Kovaleva, Yu.B. Mishkenene, L.A. Sedova. Afterword Yu.N. Davydova. Edited by M.S. Kovalevoj, D.M. Nosova. Moscow: CentrKom Publ., 1996.

3. Bostrom N. *Iskusstvennyj intellekt*. Etapy. Ugrozy. Strategii [Artificial intelligence. Stages. Menaces. Strategies], transl. from Engl. S. Filina. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2016.

4. Goldberg G. *Liberal'nyj fashizm* [Liberal fascism]: transl. from Engl. Moscow: Reed Group Publ., 2012.

5. Gunter G.F.K. *Rodovedenie*. Nauka o sem'e [The science of the family], transl. from German A.M. Ivanova. Moscow: Belye al'vy Publ., 2011.

6. Zinov'ev A.A. *Global'nyj chelovejnik* [The Global Humant Hill]. Moscow: Eksmo Publ., 2003.

7. Istoriya chastnoj zhizni [History of private life]: Edited by F. Ar'esa i Zh. Dyubi. T. 4: ot Velikoj francuzskoj revolyucii do I Mirovoj vojny [Vol. 4: from the French revolution to World war I], transl. from French by O. Panajotti. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018.

8. Morgan R. *Vidoizmenennyj uglerod* [Altered carbon]. Moscow: AST Publ., Lyuks Publ., 2005.

9. Ovchinskij V.S. *Kriminologiya i biotekhnologii* [Criminology and biotechnology]. Moscow: Norma Publ., 2005.

10. Popov D.V. Rozhdenie biopolitiki: ot mushtry tela k zabote o zhizni [The birth of biopolitics: from body training to life care]. *Evrazijskij Yuridicheskij Zhurnal*. 2020. N 3. P. 423–429.

11. Rancière J. *Na krayu politicheskogo* [On the Shores of politics. Transl. from French B.M. Skuratova]. Moscow: Praksis Publ., 2006.

12. Sarkisyants M. *Anglijskie korni nemeckogo fashizma*. Ot britanskoj k avstro-bavarskoj "rase gospod" [English roots of German fascism. From the British to the Austro-Bavarian "master race"], transl. from German by M. Nekrasova. St. Petersburg: Akademicheskij proekt Publ., 2003.

13. Stoddard L. *Bunt protiv civilizacii* [The Revolt against civilization], transl. from Engl. D.G. Tkachenko, edited by V.B. Avdeeva. Preface V.B. Avdeeva. Moscow: Belye al'vy Publ., 2016.

14. Tegmark M. Zhizn' 3.0. *Byt' chelovekom v epohu iskusstvennogo intellekta* [Being a human in the age of artificial intelligence]. Moscow: AST: CORPUS Publ., 2019.

15. Foucault M. *Volya k istine*: *po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let* [The will to truth: on the other side of knowledge, power and sexuality. Works of different years], transl. from French. Moscow: Kastal Publ., 1996.

16. Foucault M. *Rozhdenie biopolitiki*. Kurs lekcij, prochitannyh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu [Birth of Biopolitics. Course of lectures delivered at the College de France in the academic year 1978–1979], per. s fr. A.V. D'yakov. St. Petersburg: Nauka Publ., 2010.

17. Fukuyama F. *Konec istorii i poslednij chelovek* [The End of history and the last man]. Frensis Fukuyama; per s angl. M.B. Levina. Moscow: AST MOSKVA: Poligrafizdat Publ., 2010.

18. Harari Yu.N. *Homo Deus*. *Kratkaya istoriya budushchego* [Homo Deus. A brief history of the future], transl. from Engl. A. Andreeva. Moscow: Sindbad Publ., 2018.

19. Schopenhauer A. *Sobranie sochinenij* [Collected works]: v 6 t. T. 5: Parerga i Paralipomena: v 2 t. T. 2, transl. from German; edited and compiled by A. Chanysheva. Moscow: TERRA-Knizhnyj klub Publ.; Respublika Publ., 2001.

20. Epstein M. *Znak probela*: O budushchem gumanitarnyh nauk [The space character: About the future of the Humanities]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004.

21. Yarkeev A.V. *Ontologicheskie osnovaniya zla v sovremennom obshchestve:* filosofsko-germenevticheskij aspect [Ontological basis of evil in modern society: a philosophical-hermeneutic aspect]. Ekaterinburg, Izhevsk: IFiP UrO RAN Publ., 2018.

22. Barrat J. *Our final invention*: Artificial intelligence and the end of the human era. First edition. New York, St. Martin's Press, 2013.

23. Kurzweil R. *The Singularity Is Near*. When Humans Transcend Biology. New York, 2005.